

УДК [323.326-055.2](091)(47+57)«18»
ББК 65.290-03(2)52
А72

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слѣзкин, Р. Уортман*

Редактор серии *И. Жданова*

Антонов, С.

А72 Банкроты и ростовщики Российской империи: Долг, собственность и право во времена Толстого и Достоевского / Сергей Антонов; авториз. пер. с англ. Н. Эдельман, науч. ред. пер. М. Лавринович. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 504 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1771-1

Несмотря на то, что неформальные экономические отношения затрагивали почти все аспекты повседневной жизни Российской империи XIX века и служили важнейшим элементом общественного уклада, их изученность за пределами узкого круга специальной литературы оказывается чрезвычайно слабой. Книга С. Антонова подробно рассказывает о мире кредиторов и должников в переходный период от консервативного правления Николая I до эпохи Великих реформ. Банковский кредит в Российской империи середины XIX века был доступен далеко не всем, зато широкое распространение имели частные займы. Автор тщательно выстраивает исторический контекст и демонстрирует, как социальные и культурные факторы — респектабельность, социальное и семейное положение, честь, честность, успех — оказывали влияние на институт частного кредитования. В своей работе С. Антонов использует многочисленные судебные дела 1850–1860-х годов, в которых фигурируют самые разные персонажи: мужчины и женщины, мошенники и люди чести, ростовщики и картежники, купцы, аристократы и крепостные крестьяне. Исследование их взаимоотношений в рамках культуры кредита приводит автора к новым выводам относительно системы частной собственности и правовой системы в России XIX века. Сергей Антонов — преподаватель русской истории в Йельском университете в США.

УДК [323.326-055.2](091)(47+57)«18»
ББК 65.290-03(2)52

Copyright © 2016 by the President and Fellows of Harvard College.
Published by arrangement with Harvard University Press.

© Н. Эдельман, перевод с английского, 2022
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
<i>Раннеиндустриальная культура кредита</i>	15
<i>Общество, собственность и капитализм в России</i>	25
<i>Право в Российской империи</i>	31
<i>Государство и право</i>	40
<i>Частный кредит и право</i>	48

Часть I. Культура долга

Глава 1. Ростовщики в литературе и в жизни	65
<i>Мораль, политика и право</i>	69
<i>Жандармы и ростовщики</i>	86
<i>Заимодавцы перед судом</i>	107
Глава 2. Дворяне и купцы	123
<i>Сеть частного кредита</i>	125
<i>Бремя задолженности</i>	136
<i>Индивидуальные долговые портфели: «горизонтальные» и «вертикальные» связи</i>	148
<i>Долги аристократов</i>	152
<i>Городские классы</i>	159
<i>Заимодавцы</i>	167
Глава 3. Грани риска	171
<i>Невинные и расточители</i>	173
<i>Крах как предмет торга: культура банкротства</i>	191
Глава 4. Обман, собственность и респектабельность	213
<i>Кредитоспособность и богатство</i>	215
<i>Пределы доверия</i>	219
<i>Цена респектабельности среднего класса</i>	234
<i>Обман, родство и социальные связи</i>	237
Глава 5. Семья и круг родства	250
<i>Помощь должникам</i>	253
<i>Долги, наследство и семейные конфликты</i>	264
<i>Долги и супружеская собственность</i>	275

Часть II. Кредит и право

Глава 6. Должники и чиновники	297
Формальные каналы: взыскание долгов и полиция	300
Губернаторы и жандармы как посредники	315
Коррупция и взяточничество	330
Сделки в тени самодержца	337
Глава 7. В Яме с должниками	349
Долговые тюрьмы в историческом и правовом аспекте	350
Долговые тюрьмы на практике	357
Жизнь в Долговой яме	366
Тюремные конфликты	377
Ритуалы выкупа и официальная народность	381
Глава 8. Поверенные, адвокаты и ходатаи	396
Профессия юриста в дореформенной России	397
Кредитные посредники	418
Глава 9. Кредиторы и должники в дореформенном суде	429
Представления о дореформенном суде	431
Словная структура судов	437
Дореформенное гражданское судопроизводство	444
«Формальные улики» на практике: почерковедческая экспертиза и подделки	458
Заключение	470
Приложение А. Глоссарий	475
Приложение Б. Табель о рангах (по состоянию на 1850 год)	477
Приложение В. Петербургские ростовщики (1866)	478
Приложение Г.1. Цели юридического представительства (на основе верующих писем, зарегистрированных в Московской палате гражданского суда)	480
Приложение Г.2. Статус поверенных, зарегистрированных в Московской палате гражданского суда	481
Приложение Д. Договор об оказании юридических услуг (1865)	482
Сокращения	484
Благодарности	485
Указатель имен	489

Кате, Ане, Марине и Наде

ВВЕДЕНИЕ

Читавшие Толстого, возможно, помнят сцену из «Анны Карениной» (написанной в 1875–1877 годах), в которой граф Алексей Вронский, любовник Анны, приводит в порядок свои финансовые дела, чем он привык заниматься «раз пять в год». Выяснив, что имевшихся у него денег едва хватит, чтобы расплатиться с десятой частью долгов, он разделил все свои денежные обязательства на три категории. Первая включала долги чести, такие как карточный долг, который он обязался заплатить за товарища-офицера. Эти долги подлежали безусловной оплате по первому требованию. Вторая категория, требовавшая только частичной оплаты, была связана со страстью Вронского к скачкам и включала, например, долги поставщику овса, шорнику и «англичанину» — очевидно, тренеру или конюху. В третью, самую большую категорию входили счета из магазинов, гостиниц и от портного. Для Вронского это были долги, «о которых нечего думать»¹.

Правила, согласно которым платить карточному шулеру обязательно, а лавочникам — нет, в глазах Толстого были настолько же «неразумны» и «нехороши», насколько они были «несомненны» для Вронского. Несмотря на то что не имелось законных способов заставить выплатить деньги, проигранные в карты или на скачках, все финансовое благополучие благородного человека зависело от скорейшей оплаты таких долгов: это было призвано убедить торговцев и ростовщиков в его кредитоспособности. О неспособности выплатить долги чести становилось немедленно известно, как сообщает Петр Вистенгоф, автор популярных очерков о московской жизни середины XIX века. Неплатежеспособные игроки из модных клубов города

¹ Толстой Л. Анна Каренина. М., 2019. С. 319–320 (Ч. 3. Гл. XIX).

прибегали к «самым крайним мерам» и соглашались на непомерные проценты, лишь бы поскорее добыть денег у алчных заимодавцев¹. Согласно полицейскому расследованию 1861 года, посвященному «картежникам» и прочим «лицам, промышленяющим разного рода плутовством и обманами», представление о том, что «картежный долг есть дело чести... укорени[лось] во всем обществе»².

В реальной жизни, в противоположность художественной литературе, культурные нормы и практики, связанные с долгами — и отличающие их от купли-продажи, подарков или, например, вымогательства, — были какими угодно, но не бесспорными. Игрок мог отказаться от оплаты долга, но в таком случае он попадал в черный список своего клуба³. Другие люди, даже намного более влиятельные, чем вымышленный Вронский, ставили себе правилом аккуратно расплачиваться с поставщиками, домовладельцами и прислугой⁴. Кредитные отношения тесно связывали понятия о нравственности, власти и личной выгоде, совершенно не укладываясь в известные литературные и культурные стереотипы, согласно которым русских дворян принято считать бессмысленно-расточительными, ростовщиков — жестокими и безнравственными, а купцов — недалекими и малокультурными. Представления и суждения, связанные с вопросами доверия и кредитоспособности: о том, какое поведение можно считать уважаемым, достойным или разумным, как распознать банкротство и подлог, что делать, если должник не желает платить, и с какими кредиторами следует расплачиваться в первую

¹ *Вистенгоф П. Ф.* Очерки московской жизни. М., 1842. С. 113; *Шевцов В. В.* Карточная игра в России: конец XIV — начало XX в. Томск, 2005; *Helfant I.* The High Stakes of Identity: Gambling in the Life and Literature of Nineteenth-Century Russia. Evanston, 2001. Даже царь Николай I немедленно выплачивал свои карточные долги; см.: *Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 254.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109. Оп. 91. Д. 113. Л. 23.

³ Английский клуб в Санкт-Петербурге был известен своей «черной доской», на которой записывались имена должников-неплательщиков: *Комиссаренко С. С.* Культурные традиции русского общества. СПб., 2003. С. 101–103.

⁴ *Геттун В. Н.* Записки // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 280; см. также, например: Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. (далее — ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г.). Ф. 50. Оп. 5. Д. 13156.

очередь, — носили крайне условный характер и энергично оспаривались как в судах, так и посредством неформальных связей и покровительства. Эти представления нередко были весьма смутными и получали явное выражение лишь в случае нарушений, но и этого было достаточно, чтобы существовавшие в Российской империи группы владельцев собственности, неоднородные по социальному происхождению и юридическому статусу, сложились в обширную, хотя и неплотную сеть личного кредита¹.

В настоящей книге воссоздается утраченный мир обычных заимодавцев и должников, а также далеко не обычных банкротов, ростовщиков и мошенников в переходный период от консервативного правления Николая I (1825–1855) до эпохи реформ, последовавшей за его смертью и поражением России в Крымской войне. Новый царь Александр II (1855–1881) в 1861 году отменил крепостное право, а в 1864-м реорганизовал судебную систему и правила судопроизводства. Новую судебную систему отличали гласность и состязательность судебного процесса, суд присяжных и профессиональная адвокатура. Еще одна серия реформ вдохнула новую жизнь в экономическую и финансовую структуру России, а также в культуру частной собственности, что современники превозносили как освобождение капитала. Росла железнодорожная сеть, создавались акционерные компании, совершенствовалась налоговая система, а на смену государственным банкам, существовавшим с XVIII века, пришли частные акционерные банки².

¹ Авторы некоторых работ отрицают существование такой общей идентичности среди российских групп собственников: *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Eds. E. Clowes, S. Kassow, J. West. Princeton, 1991; *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History* / Ed. H. Balzer. Armonk, NY, 1996.

² О Великих реформах см., например: *Russia's Great Reforms* / Eds. B. Eklof, J. Bushnell, L. Zakharova. Bloomington: Indiana University Press, 1994; *Wortman R. The Development of a Russian Legal Consciousness*. Chicago, 1976 (см. рус. пер.: *Уортман Р. С. Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России*. М., 2004); *Великие реформы шестидесятых годов в их прошлом и настоящем* / Ред. И. В. Гессен, А. И. Каминка. СПб., 1905; *Джанишев Г. А. Эпоха великих реформ*. В 2 т. СПб., 1905. О финансовых аспектах см.: *Ананич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.* Л., 1991; *Ананич Б. В. и др. Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва*. СПб., 2005. С. 244; *Бугров А. В. Очерки по истории казенных банков в России*. М., 2003. С. 7;

Как нередко указывают историки, реформы не только не решили всех российских проблем, но и в действительности породили ряд новых. Многие принципиальные, но сомнительные аспекты российской жизни остались в неприкосновенности. Например, Россия до 1905 года оставалась самодержавной монархией, и в ней официально сохранялась пришедшая из XVIII века иерархическая система установленных законом сословий; несмотря на ослабление цензуры в 1860-х годах, ничем не стесненную речь вплоть до конца столетия можно было услышать лишь от адвокатов в залах судебных заседаний. Более того, Великие реформы не принесли немедленного экономического изобилия, так как ускорение промышленного развития стало намечаться лишь в 1880-х годах. Россия XIX века присутствовала на всемирном рынке в первую очередь как поставщик зерна и некоторых других видов сырья, а также как рынок для сбыта промышленной продукции; доход на душу населения оставался низким, при том что российская экономика по объему была равна французской или даже превосходила ее.

Исследуя экономическое и социальное развитие Российской империи, историки обычно предполагают, что одной из принципиальных — и в конечном счете для нее губительных — проблем являлась неспособность создать устойчивую культуру частной собственности, включая кредит, и полноценное правовое государство¹. Считается, что и капитализм, и право в России были

Кауфман И. И. Государственные долги России // Вестник Европы. 1885. Т. 20. № 1. С. 572–618, особ. с. 584; Owen T. The Corporation under Russian Law, 1800–1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge, 1991; Kotsonis Y. States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic. Toronto, 2014.

¹ Pipes R. Russia under the Old Regime. New York, 1974; Civil Rights in Imperial Russia / Eds. O. Crisp, L. Edmondson. Oxford, 1989; Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago, 1985; Farrow L. Between Clan and Crown: The Struggle to Define Noble Property Rights in Imperial Russia. Newark, 2004; Wagner W. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994; Rieber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1991; Owen T. Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855–1905. Cambridge, 1981; Pintner W. Russian Economic Policy under Nicholas I. Ithaca, 1967; Baberowski J. Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main, 1996; несколько более оптимистические трактовки см. в: Gregory P. Before Command: An Economic History of Russia From

либо недоразвитыми, либо заимствованными из Западной Европы и нежизнеспособными, потому что у них якобы не имелось прочных корней в российском обществе и исторических традициях. Значение частной собственности и кредита для этих дискуссий самоочевидно, даже если мы вслед за Екатериной Правиловой откажемся от упрощенного понимания частной собственности, отождествляющего ее с модернити, прогрессом и политическими свободами, и признаем, что в России Нового времени «иные разновидности неэсклюзивной и неабсолютной собственности представляли современную альтернативу западной концепции собственности»¹.

Тем не менее как личный кредит, так и культура частной собственности в Российской империи остаются очень слабо изученными: в существующих исследованиях Великих реформ, капитализма и структур собственности едва упоминается кредит и совершенно не объясняются его параметры, как и то, каким образом его экономические аспекты были связаны с процессами в социальной, политической, культурной и юридической сферах². Единственным исключением является интереснейшая специальная литература, посвященная становлению современной банковской системы, в которой, однако, практически совсем не учитывается точка зрения заемщиков и клиентов банков, а также все разнообразие неформальных межличностных кредитных отношений, в которых участвовало подавляющее большинство жителей России, не имевших постоянного доступа к банкам³.

Emancipation to the First Five-Year Plan. Princeton, 1994; *Malina M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Belknap Press, 1999; см. также: *Read C.* In Search of Liberal Tsarism: The Historiography of Autocratic Decline // *Historical Journal*. 2002. Vol. 45. P. 195–210.

¹ *Pravilova E.* A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Princeton, 2014. P. 292. N. 5.

² *Russia's Great Reforms*; *Rieber A.* Merchants and Entrepreneurs; *Owen T.* Capitalism and Politics; *Blackwell W.* The Beginnings of Russian Industrialization, 1800–1860. Princeton, 1968.

³ *Боровой С. Я.* Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958; *Гиндин И. Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). М., 1997; Кредит и банки в России; *Морозан В. В.* История банковского дела в России: вторая половина XVIII — первая половина XIX в. СПб., 2001; *Саломатина С. А.* Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917. М., 2004.

Главный тезис этой книги состоит в том, что неформальный личный кредит затрагивал все аспекты жизни в Российской империи и служил фундаментом, на котором выстраивалась вся система частной собственности и весь общественный строй; при этом сам он опирался на достаточно эффективные юридические нормы, введенные в первую очередь с целью защиты интересов собственников. Соответственно, и нормативные акты, регулировавшие кредит, и практика правоприменения связывали абстрактный мир денег и обмена с конкретным миром семейной жизни, соседских отношений и материальных благ.

Первая часть настоящей работы посвящена культуре кредита, общей для разных групп собственников, существовавших в России. Мы рассмотрим деятельность частных заимодавцев и поместим личный кредит в контекст социальных и родственных взаимоотношений, а также культурных установок и практик, связанных с богатством, личной независимостью и несостоятельностью. Главная тема второй части — взаимодействие между частными лицами и государственным юридическим и административным аппаратом, включавшим полицию и суды, практикующих юристов и долговые тюрьмы. Обе части книги тесно связаны друг с другом и служат составными частями единого сюжета, поскольку культура кредита в значительной степени находила выражение в юридических нормах и практиках, в то время как право невозможно исследовать в отрыве от интересов и стратегий индивидуумов, пользовавшихся судами и служивших в них.

Настоящая работа не имеет своим предметом экономическую историю, хотя и содержит некоторые цифры, которые нельзя найти в прочих опубликованных источниках, поскольку они важны для аргументации. Вместо того я обращаюсь к методологиям социальной истории, истории культуры и права по мере необходимости в процессе изучения такого многогранного явления, как кредит. Подобно другим недавно вышедшим работам по истории России, моя книга исследует повседневную жизнь обычных людей, в противовес более привычной для нашего предмета логике государственной политики и правительственных учреждений¹.

¹ См., например: *Smith A. For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia* Oxford, 2014; *Martin A. Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow, 1762–1855.* Oxford, 2013; *Antonova K. P. An*

В качестве источников я использую преимущественно, хотя и не эксклюзивно, судебные дела, главным образом из дореформенных судов, ранее не изучавшиеся и тем более не публиковавшиеся. Большинство из них разбиралось в Москве, главном финансовом и коммерческом ядре Российской империи, или в Санкт-Петербурге, ее столице и центре внешней торговли. Однако сами транзакции и события, разбиравшиеся в столичных судах, нередко происходили и из других губерний, и потому было бы более точно представить настоящую книгу как работу о культуре кредита в Европейской России, исключаящую, однако, менее значительные центры кредита, располагавшиеся на западной и южной периферии империи, такие как Одесса, Бердичев и Варшава.

Рассматриваемые мной судебные дела различаются уровнем детализации, но, взятые вместе, они возвращают к жизни реальных мужчин и женщин XIX века: и богатых и бедных, но почти во всех случаях — не полностью обездоленных, хотя и не оставивших после себя никаких следов, помимо участия в исках и процессах. Отставной военный офицер Андрей Благинин выписывает долговое обязательство в качестве вознаграждения бедной мещанке, заботившейся о нем в старости, а теперь она судится с его наследниками. Молодой дворянин Петр Веселкин, его жена и два бывших купца вступают в сговор, придумав хитрый план получения денег под заклад несуществующих имений. Неграмотная немолодая торговка рыбой Мавра Бубенцова утверждает, что она слабая женщина, не искушенная в денежных делах, и потому ей следует простить ее долги. Некоторые из этих историй могли бы стать сюжетом для романа, другие вполне банальны, но все они демонстрируют, что личные кредитные отношения проникали во все сферы российской жизни, причем путями, которые необычны для современного читателя, но вместе с тем могут показаться ему знакомыми.

Ordinary Marriage: The World of a Gentry Family in Provincial Russia. Oxford, 2013; Бокова В. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. М., 2009; Ransel D. A Russian Merchant's Tale: The Life and Adventures of Ivan Alekseevich Tolchënov, Based on His Diary. Bloomington, 2008; Cavender M. Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia. Newark, 2007; Randolph J. The House in the Garden: The Bakunin Family and the Romance of Russian Idealism. Ithaca, 2007.